
ПРОЛОГ

В последние годы жизни Сталина советские функционеры избегали появляться в посольствах западных стран: лишь изредка туда заглядывали дипломаты низшего ранга, но и они держались формально и скованно и норовили исчезнуть при первой возможности. При Хрущеве, особенно в середине пятидесятых годов, все изменилось: первые лица Советского государства часто и с удовольствием встречались с западными дипломатами и журналистами. Сам Хрущев регулярно посещал дипломатические приемы, свободно общался с гостями, беседовал с корреспондентами, шутил, рассказывал анекдоты, порой даже пересылал через корреспондентов послания западным лидерам¹.

Однажды вечером, в ноябре 1957 года, Хрущев был, по описанию свидетелей, «особенно жизнерадостен и разговорчив» — и не случайно: накануне он раскрыл направленный против него заговор и разоблачил заговорщиков, затем сместил с должности министра обороны маршала Жукова, который сделался чересчур популярен и, как говорили, лелеял честолюбивые планы. В тот вечер Хрущев рассказал собравшимся гостям историю, которую прочитал в юности у украинского писателя Владимира Винниченко².

«Однажды, — рассказывал Хрущев, — сидели в царской тюрьме, в одной камере, трое: социал-демократ, анархист, а третий — бедный необразованный еврей по имени Пиня. Они решили выбрать старосту камеры, который бы заведовал распределением провизии, чая и табака. Анархист, парень ражий и громогласный, заявил, что он против любых выборов и любой власти, и, чтобы показать свое презрение к закону и порядку, предложил сделать старостой Пиню. На том и порешили.

Долго ли, коротко ли, собрались они бежать. Сделали подкоп. Но ясно было, что в первого, кто появится из подкопа, охрана будет стрелять. Кто же пойдет первым? Все обернулись к храбрцу-анархисту — но он оказался храбрым только на словах. И тут бедный маленький Пиня поднялся и сказал: «Товарищи, вы выбрали меня главным. Значит, первым пойду я».

А мораль этой истории такая: каким бы ты ни был, раз уж тебя выбрали на важную должность — ты должен ей соответствовать.

Так вот, маленький Пиня — это я».

В «личной характеристике» Хрущева, подготовленной ЦРУ для президента Кеннеди перед Венским саммитом 1961 года, говорилось, что эта история отражает «сознание своего скромного происхождения», «гордость личными достижениями» и «уверенность в своем соответствии занимаемому месту»³. Но точно ли Хрущев был так уверен в себе? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим рассказ Винниченко целиком.

Заглавие рассказа, «Талисман», указывает на то, что преобразование, произошедшее с Пиней, можно смело назвать сказочным. Ибо Пиня — не просто человек «скромного происхождения»: он — несчастный, забитый, нищий бедняк. В молодости, когда он работал подмастерьем у жестянщика, тот бил его по лицу паяльником, а другие мучители, смеясь, мазали ему разбитые губы солью и заставляли есть из собачьей миски. Все это он молча терпел, говоря себе: «Есть на свете люди большие, сильные и богатые, есть — маленькие, слабые и бедные; но ты, Пиня, меньше, слабее и беднее всех».

Товарищи по камере тоже постоянно над ним потешались, и на все их шутки Пиня отвечал лишь покорной и грустной улыбкой. И сами выборы его старостой были лишь шуткой. «Он не был готов к этой должности: он ничего не знал и не умел, он был всего лишь бедным темным рабочим». Однако буквально за одну ночь Пиня переменялся: он нашел в себе и ум, и мужество, и решительность. «Без сомнения, — замечает рассказчик у Винниченко, — произошло чудо, в роде тех сказок, герой которых, неудачливый, вечно битый, всеми оплеванный Иван-дурак приобретает где-то талисман и с его помощью завоевывает славу и восходит на царство». Если Хрущев отождествлял себя с несчастным забитым Пиней — очевидно, его сомнения в себе были глубже и серьезнее, чем он отваживался признать открыто. Более того, финал рассказа предсказывает судьбу Хрущева. Настояв на том, чтобы идти первым, Пиня обрекает себя на мученичество. Он вступает в драку с охранником, а его това-

рищи тем временем бегут. Пиня не успевает скрыться, и другие охранники, подоспев, забивают его до смерти⁴.

Как Пиня, Хрущев вознесся из жалкой нищеты к невообразимым высотам. Он не только вошел в круг приближенных Сталина и провел там невредимым почти двадцать лет, но и смог после его смерти переиграть своих соперников, которые, казалось бы, куда более подходили на роль сталинских наследников. Став руководителем страны, он попытался гуманизировать и модернизировать советскую систему. Верно прослужив Сталину почти три десятилетия, он сумел избавиться от гипноза его личности, публично разоблачил его преступления, освободил и реабилитировал миллионы жертв. Исправляя ошибки Сталина, во многом ответственного за начало холодной войны, Хрущев всеми силами стремился наладить отношения с Западом. Кроме того, он приложил немало усилий, чтобы оживить сельское хозяйство, промышленность и культуру СССР.

Нельзя не признавать за ним всех этих заслуг. Однако чудесное восхождение Хрущева к вершинам власти омрачает его собственная причастность к преступлениям Сталина. Проведенная им десталинизация была сумбурной и явно недостаточной, что позволило его преемникам быстро и без особого шума свести ее на нет. Сам он подавил венгерскую революцию и бросил за решетку многих своих идеологических противников. Правда, Хрущев провел несколько саммитов с лидерами западных держав и был одним из инициаторов принятого в 1963 году Договора о запрещении испытаний ядерного оружия, — но в то же время стал виновником Берлинского и Карибского кризисов и продолжил гонку вооружений, которую хотел остановить. Можно упомянуть и о бесконечных реорганизациях партийных и государственных органов, хаотическом управлении экономикой, авантюристических «кампаниях» в сельском хозяйстве, бурных взаимоотношениях с интеллигенцией — словом, обо всем, что в конце концов послужило обвинительным материалом при отстранении Хрущева от власти в октябре 1964 года.

Надо отметить, что не все неудачи Хрущева лежат на его совести. Хотя сталинская система, как признавали даже наиболее просталински настроенные коллеги Хрущева, остро нуждалась в переменах — она упорно сопротивлялась любым реформам. Роль Хрущева как первого секретаря ЦК КПСС вынуждала его выступать и в роли «специалиста» по множеству вопросов, о которых он ничего — или почти ничего — не знал. Но во многом Хрущеву некого было винить кроме самого себя. Его секретный доклад на XX съезде привел к кро-

вавым беспорядкам в Восточной Европе. За время своего пребывания у власти он оттолкнул от себя почти всех, включая бывших друзей и соратников. С упорством, достойным лучшего применения, он настаивал на своем в самых мелких и ничтожных вопросах, но при этом словно не замечал ни того, что его политическая база стремительно распадается, ни того, что вокруг него стягивается паутина заговора.

Подобное поведение заставляет задуматься о личности Хрущева с психологической точки зрения. Мы не первые задаемся таким вопросом: в 1960 году по заданию ЦРУ около двадцати психологов и психиатров подготовили доклад о психологическом облике советского лидера. Согласно сообщениям об этом докладе, который хранится в архивах ЦРУ и скорее всего не будет опубликован, специалисты отметили «склонность Хрущева к депрессиям и слабую переносимость алкоголя», но в целом определили его характер как «гипоманиакальный»⁵.

Согласно психологическим канонам, характерные признаки гипомании включают в себя постоянно повышенный фон настроения, общительность, неистощимую энергию, но в то же время склонность к переоценке своих сил и способностей, поспешным и непродуманным решениям, раздражительность, подверженность бурным вспышкам гнева, а в случае серьезных неудач — склонность к тяжелым депрессиям⁶. Такие люди постоянно нуждаются в обществе и во внимании окружающих, они красноречивы, обаятельны и убедительны, легко подчиняют других себе и увлекают за собой, готовы работать без сна и отдыха (пока переутомление не даст о себе знать — тогда они могут впасть в уныние), инициативны и предприимчивы, голова их вечно полна грандиозных планов и блестящих идей, а жизнь может стать материалом для приключенческого романа — настолько она полна неожиданных перипетий, резких поворотов, взлетов и падений. Это подтверждают и слова Нины Петровны Хрущевой, сказанные жене американского посла Льюэллина Томпсона: «Он постоянно то воодушевлен, то подавлен»⁷.

Таким человеком был Хрущев — «бедный Пиня», «Иван-дурак на царстве», простой рабочий, достигший абсолютной власти, ценой нечеловеческих усилий попытавшийся изменить свою страну к лучшему, но этим лишь приблизивший ее гибель.

В последние годы жизни, если верить сыну Хрущева Сергею, его отец часто говорил: «Вот умру я... Положат мои деяния на весы. На одну чашу — злое, на другую — доброе, и, я надеюсь, добро перевесит!»⁸ Так это или нет — пусть судят читатели.